

Дружба
народов

Константин
ГАЙВОРОНСКИЙ

Между Сцилло́у
и Харибдо́у

Л 2006

14442к

RARITY

PUBLISHING
COMPANY LTD

Константин Гайворонский

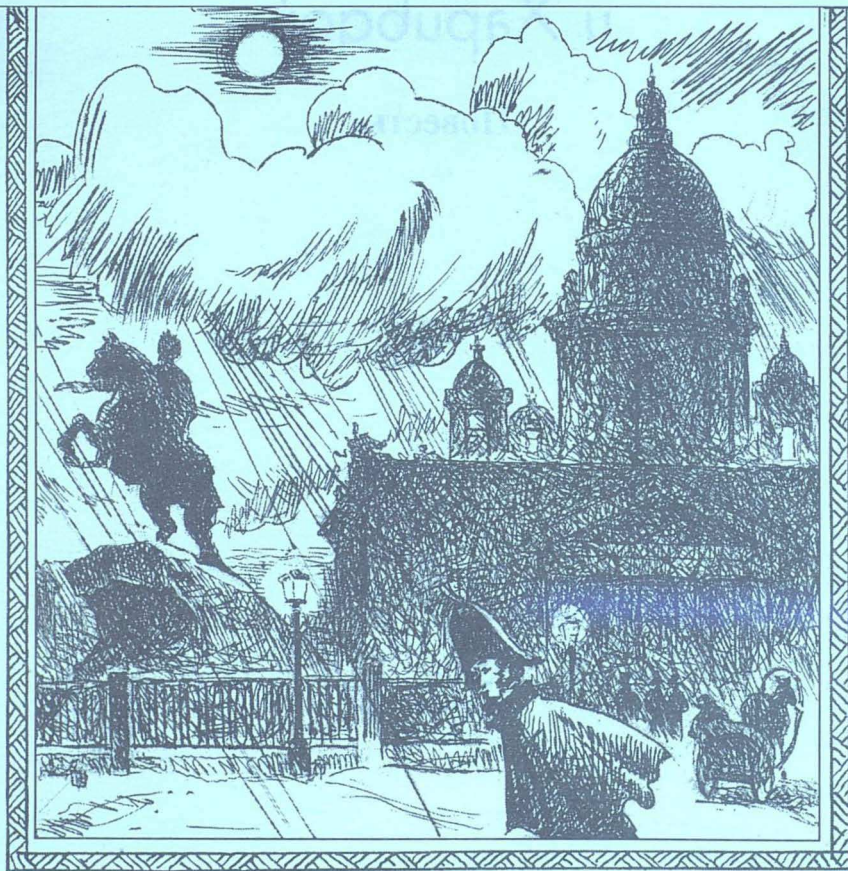
Между Сцилло́й
и Харибдо́й

Повесть

Алматы
«Раритет»
2006

Между Сивилой

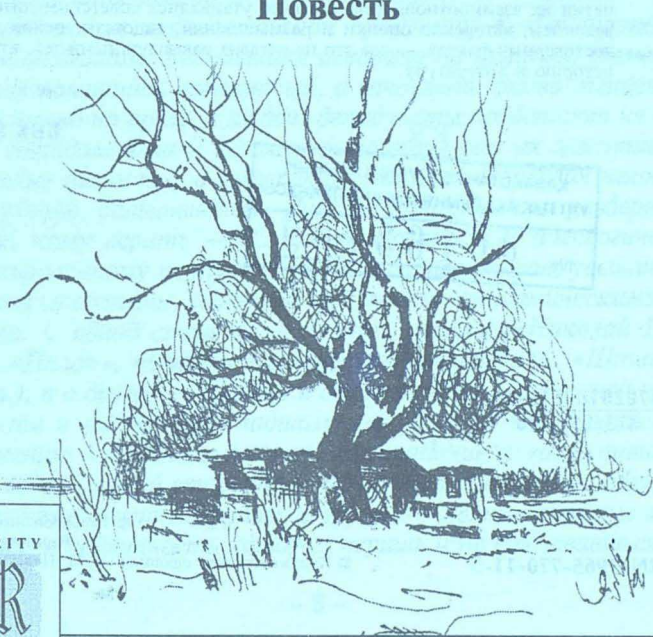

Дружба
народов

Константин
ГАЙВОРОНСКИЙ

Между Сцилло́у и Харибдо́у

Повесть

RARITY

R

PUBLISHING
COMPANY

ББК 84Р7-44

Г14

Министерство культуры и информации Республики Казахстан

Выпущено по программе Комитета информации
и архивов

Серия выходит в свет с 2002 года

Автор проекта «Алтын қор» — З. Сериккали

Автор художественного оформления серии — А. Тленшиев

Гайворонский К.

Г14 **Между Сциллой и Харибдой: Повесть.** — Алматы:
Раритет, 2006. — 232 с. — Библиотека «Алтын қор».

ISBN 9965-770-11-5

Повесть Константина Гайворонского «Между Сциллой и Харибдой» лишена идеологической заданности. Главные действующие лица — А.С. Пушкин, декабристы, император Николай I. Малоизвестные перипетии их взаимоотношений, которые утаивались советским литературоведением, авторские оценки и размышления, гипотезы, основанные на достоверных фактах, — все это не оставит равнодушными тех, кто любит историю и литературу.

ББК 84Р7-44

Г 4702010201—04
413(05)—06

ISBN 9965-770-11-5

© Гайворонский К., 2006

© «Раритет» БК, 2006

© Художественное оформление М. Палаткина, 2006

ГЕНИЙ В ТЕНЕТАХ ЛУКАВОЙ НЕПРАВДЫ

Сегодня не найти читателя, равнодушного к А.С. Пушкину. Не утихает и писательский интерес к великому имени. Появляются все новые книги — исследования о жизни и творчестве Александра Сергеевича, в которых много драматизма, таинственности, нерасшифрованности.

Тема книги Константина Гайворонского — Пушкин и декабристы, Пушкин и Николай Павлович Романов. Тема не новая, в советском пушкиноведении написаны тысячи научных работ и не меньше художественных полотен. Из последних по времени трудов особо сильное впечатление оставили книги Н.Я. Эйдельмана и С.Л. Абрамович.

В потоке исследовательской продукции К. Гайворонский стоит особняком. Его позиция основана на фактах, отмечающих устоявшийся предвзятый, а зачастую лживо-тенденциозный взгляд на время и людей; декабристы предстают не такими страдальцами и героями-рыцарями, как их живописали советские богомазы, а император Николай Павлович человечным, умным, дальновидным. Думаю, читатель сам разберется в том, кому верить — К. Гайворонскому или идеологически ангажированному корпусу советских литераторов, увешанных учеными степенями, званиями и убеленных академическими сединами. С одной стороны — клички, ярлыки («Николай Палкин», «Палач», «Охранники третьего отделения», «Шпионы» и т. п.), а с другой — факты и свидетельства подлинной человечности и «милости к падшим», сочувствие к бедственному положению «опального поэта», сострадание к «оступившимся» и т. п. С одной стороны — передергивание цитат, обрывки писем, незаконченные фразы, с другой — полные тексты о событиях, в подлинность которых веришь и не сомневаешься.

Прочтя книгу К. Гайворонского, читатель другими глазами будет смотреть на Россию, в которой жил Пушкин, на общество, в котором он вращался, на тех лиц, кто были его друзьями и недругами. Да и сам Александр Сергеевич предстанет живым и импульсивным, радостным и страдающим. И это впечатление вытеснит из сознания «мумию», «великопостный лик» страдальца, который так старательно в течение 70 лет создавали ретивые ревнители классового подхода к истории.

Пресловутый принцип партийности в книге К. Гайворонского заменен принципом **«регрессивной метаморфозы»**. Этот принцип позволяет сопоставить следствие с причиной, минувшее с настоящим, показать банкротство надуманных предвзятых теорий и концепций.

Книга К. Гайворонского написана хорошим русским языком, читается легко, она волнует, вызывает массу вопросов, заставляет заново пересмотреть, переосмыслить устоявшиеся «истины». Автор — наш земляк, первый казахстанец, написавший о Пушкине **«правду, только правду и ничего, кроме правды»**. Добрые слова о Николае Павловиче и его клеветах — не лесть, а объективная оценка. Критические замечания в адрес кое-кого из пушкиноведов — не злобные нападки, а очень вежливые слова, содержащие несогласие и приглашение к спору.

Громадный труд, вложенный в книгу, можно сравнить с подвигом освобождения великана от оков лжи, вымыслов, злобных слухов и фальсификаций. Это подвиг, вызывающий восхищение и глубочайшее уважение...

Берик ДЖИЛКИБАЕВ,
доктор филологических наук,
профессор

ПОВЕСТЬ

Я не собираю бесполезных исторических сведений, а передаю факты, служащие для понимания нравственной стороны человека и характера.

Плутарх

Что касается до меня лично, то я чувствую только одно: что история сдирает с меня кожу.

М.Е. Салтыков-Щедрин

Приступая к сему повествованию, изначально осознаю, что берусь за неподъемную тему. Кто-то из мхатовцев сказал: создать на сцене образ Пушкина невозможно.

Нельзя его сыграть, и — написать нельзя.

Гений нереален. Он здесь и его нет.

Попробуйте изобразить воздух на полотне.

Есть романы, повести, стихи, море исследований, статей. Среди них мало берущих за душу. А что такое — взять за душу? Это прикоснуться к истине.

Предлагаемая тема изъезжена, как тракт между Москвой и Петербургом. Причем «ездили туда-сюда» в основном по одной колее. Много не бралось в расчет, умышленно не замечалось, неудобные факты — а они самые упрямые — предпочитали не комментировать. Иначе и быть не могло: литературоведение, история были крыльями казенной идеологии. К тому же в советское время Музу отдали в услужение Клио, ей позволялось иллюстрировать обедненную до умопомрачения историю, которая, пользуясь услугами литературы, сама была пленни-

цей политики. Безропотно мы выслушивали сентенции о том, что Пушкин был выразителем чаяний декабристов, а поскольку поэт великий, то он, опережая свое время, якобы отдал дань зарождающемуся течению разночинцев и — более того — был чуть ли не единомышленником социал-демократов. Его именем освещали убогую схему трех этапов революционного движения в России.

Чушь в идеологической упаковке. Возвеличивая, Пушкина унижали.

Говорят, он был гениален. То же самое пишут в книгах. Боролся с самодержавием, воспевал свободу, из романтизма шагнул в реализм... Прерву стандартный перечень заслуг Александра Сергеевича, чтобы заметить: они не доказывают гениальности. Знакомого поэта я спросил, почему Пушкин — гений? «А потому что!» — ответил он.

Может быть, гениальность недоказуема?

Размышляя о ее составляющих, я вспомнил стихотворение Ю. Кузнецова, в нем — ни слова об интересующем меня понятии, но все же давайте послушаем...

Эх, таланты, вы тоже стрелки!
Попаданьями сыплете густо.
Только виды уж больно близки,
Мелко дышит такое искусство.

Чья, скажите, стрела на лету
Ловит свист прошлогодней метели?
Кто умеет метать в пустоту,
Поражая незримые цели?

Умел ли Пушкин? Попытаемся выяснить.

Чтобы чувствовать себя свободно, раскованно, я не буду стоять в почтительной позе, отсчитывать такты, анализировать художественные достоинства произведений — глупо доказывать то, что в доказательствах не нуждается. Хочу с высоты времени упасть в XIX век.

Невыполнимо? О чем я и толкую. Однако надо ставить сверхзадачи, без них не то что о Пушкине, о соседе по времени не напишешь.

Я знаю далеко не очевидную истину: поднять можно все, если не надорвешься. Поэтому ограничиваю тему — Пушкин и декабристы, Пушкин и Николай I.

Еще одно ограничение: ни грамма беллетристики. Любое реальное историческое лицо, обряженное в ее лохмотья, окарикатуривается, оглупляется, вырождается. Даже под могучим пером Толстого Кутузов и Наполеон — не более как литературные манекены.

Беллетристика не в силах пробиться сквозь пласты времени. Исторические романы наивны и примитивны уже потому, что деятели прошлого дышат воздухом автора. Хотя есть, конечно, исключения. Одно из них — роман Уайлдера «Мартовские иды», состоящий сплошь из документов, которые выдумал автор, за исключением одного, позаимствованного у Светония.

Фальсификация Уайлдера образует воздух эпохи.

Я использую методологию Уайлдера — до наоборот. В моих заметках документы, письма, дневники, свидетельства — подлинные.

В литературоведении есть понятие — новое прочтение. Означает оно иное, чем прежде, толкование известного факта, или сцены, или монолога. В моих планах пользоваться этим приемом.

Не хочу быть крохобором и ловить неточности, умолчания, тенденциозное цитирование из работ исследователей. В силу цензурных ограничений они не могли говорить свободно, без оглядки на редакторов и сотрудников лито. (Как заметил однажды Александр Сергеевич, «мой дядя самых честных правил», работая в лито.) Однако, «когда мне невмочь пересилить себя», я буду показывать, как препарируют фразы, вытаскивая их из контекста, меняя смысл того или иного документа.

И — напоследок...

Хочу сказать словами Пушкина из предисловия к «Истории Пугачева»: мой труд, конечно, несовершенный, но добросовестный.

...Все о нем никто никогда не узнает. Но в стремлении постичь его личность мы кое-что узнаем о себе.

Часть первая

ПРОЩАНИЕ С МОЛОДОСТЬЮ

1

Начну повесть, равно истинную и невероятную.

Примерно так выразился Карамзин, приступая к разделу о Смутном времени, о Лжедмитрии, нареченном в народе Самозванцем.

Пушкин заканчивает «Бориса Годунова», шлифует текст, перечитывает. «Чувствую, что духовные силы мои достигли полного развития, я могу творить» (*Письма*). Отсылая трагедию Раевскому-младшему, требует, «чтобы прежде прочтения вы пробежали последний том Карамзина», по-французски добавит: это непременно условие.

Откроем том. «Угодив всей России милостями к невинным жертвам Борисова тиранства, Лжедмитрий старался угодить ей и благодеяниями общими: удвоил жалованье сановникам и войску; велел заплатить все долги и казенные Иоаннова царствования, отменил многие торговые и судные пошлины; строго запретил всякое мздоимство и наказал многих судей бессовестных; обнародовал, что в каждую среду и субботу будет сам принимать челобитные от жалобщиков на Красном крыльце».

Самозванец, оказывается, славный малый, не тиран, склонен к реформам, удивляет бояр остротой и живостью ума; погубят его молодость и то обстоятельство, что он был «безрассудный и неосторожный от счастья». Эпигон Димитрия по самозванству, Емелька Пугачев, уступает ему по всем параметрам.

Без Карамзина не было бы пушкинского «Годунова». Александр Сергеевич взял у историка не только канву, он научился беспристрастно вглядываться в действующих лиц минувших событий, по-божески не осуждать, сохраняя художническую отстраненность.

Литература создает литературу; призывы учиться у жизни, быть ближе к труженикам — придуманы людьми, ничего путного не написавшими, понятия не имеющими о том, что есть творчество. Как можно быть ближе к жизни, если она во мне, в тебе? Отталкиваясь от карамзинских вешек, Пушкин погружался в былое; «я пишу и размышляю» (*Н. Раевскому*). Одно из своих размышлений он, волнуясь — интонация свидетельствует, — вкладывает в уста предка, однофамильца, который поддерживал Лжедмитрия — это ляжет проклятием на потомков, служебная карьера Пушкиных будет незавидной.

Пушкин

Но знаешь ли чем сильны мы, Басманов?
Не войском, нет, не польскою помощью,
А мнением; да! мнением народным.

Промчатся десятилетия, лязгая на стыках судеб, как порожняк, и один из самых выдающихся философов XX века Ортега-и-Гассет напишет: «Государство в конце концов держится на общественном мнении» (*Восстание масс*).

Пушкин натянул лук, метнул стрелу в пустоту, спустя полтора века она врезалась в остов державы; сидя на обломках великой страны, мы вопрошаем друг друга: как же это?.. А вот так: Совсоюз обладал железобетонной идеологией; что касается мнения народного, то его не было. Оно заменялось плакатами, лозунгами, собраниями и прочим словесным хламом. По сию пору у нас правит бал пропаганда, подперченная ерничанием, общественное мнение в дефиците. Поэтому результаты выборов фиксируются девятками, свобода слова подменяется болтовней, праздники — буднями — «и завтра то же, что вчера».

«Годунов», отбеленный, томился, ворочался в душе. Пушкину хотелось прочесть его Карамзину. Николай Михайлович болен. В письмах друзьям, приятелям А.С. вопрошает, что и как Карамзин, выражает надежду на выздоровление; наверняка воображает встречу, разговор, чтение... В мысленном общении, вероятно, ощутит желание посвятить трагедию выдающемуся историографу. И вдруг...

1826-й мрачный год. Мая 22-го умирает Карамзин. Сообщение в «Русском инвалиде» 26-го, в день рождения Пушкина. Через неделю — газеты в Михайловское шли

из Петербурга семь-восемь дней — поэт не мог не обратить внимания на «странное сближение». Получив скорбное известие, он не может выразить соболезнование.

Когда мы узнаем о кончине близкого умного друга, в душе становится пустынно, опустевший уголок в ней останется пустым, и ты станешь беднее, чем был прежде.

Впрочем, если судить по письму, отправленному Вяземскому из Пскова 27-го, день рождения встретил не в Михайловском. «Милый доктор спяна сказал мне, что без операции я не дотяну до 30 лет». Пушкину исполнилось 27. Возраст, когда прощаются с юностью. Он оттягивает прощание, хотя «товарищам всегда казалось, что Пушкин по развитию как будто старше всех их» (*Грот со слов лицеиста Матюшкина*). Минет три года, Полевой запишет: «Пушкин все еще хотел казаться юношею. Раз как-то я произнес стих его, говоря о нем самом: Ужель мне точно тридцать лет? — Он тотчас возразил: Нет, нет! У меня сказано: Ужель мне скоро тридцать лет. Я жду этого рокового термина, а теперь еще не прощаюсь с юностью» (*Разговоры Пушкина*).

Желание остаться в молодости понятно, но ход вещей неумолим, обстоятельства сильнее человека, управлять ими под силу одному Богу. «Каков бы ни был мой образ мыслей, политический и религиозный, я храню его про самого себя и не намерен бездумно противоречить общепринятому порядку и необходимости» (*Жуковскому*, 7.03).

Июль, 24. Весть: казнь пятерых (*Летопись*).

И. Новиков в полудокументальном романе «Пушкин в Михайловском» так описывает реакцию А.С. на известие из Петербурга.

«В тот самый день... Пушкин в Тригорском развертывал свежеполученный номер «Северной пчелы» (от 17 июля. — *К.Г.*). За последнее время полевые работы мешали поездкам в столицу, и новости к ним приходили лишь через газеты. И вот глаза (? — *К.Г.*) его пали на манифест Николая: «преступники восприняли достойную их казнь». «Отечество очищено от следствий заразы, столько лет среди его таившейся». «Приговор Верховного Уголовного Суда, состоявшийся 11-го сего месяца о пятерых государственных преступниках, коих оным решено повесить, исполнен сего Июля 13-го дня поутру в 5-м часу, всенародно, на валу кронверка Санкт-Петербургской крепости».

— Прасковья... Прасковья Александровна... — И он ничего не мог более выговорить, лист выпал из рук.

...Пушкин не видел ее и ничего не видел вокруг. Он большими шагами ходил из угла к углу, как зверь, которого захлопнули в клетке».

В интересах достоверности выскоблим из текста беллетристические наслоения — зверя, клетку, падение газеты, вскрик. Остальное приемлемо, кроме Тригорского. Неизвестно, где Пушкин развернул газету, в Тригорском или в Михайловском. Автору романа Тригорское «удобнее» по очевидной причине: Прасковья Александровна Осипова, владелица имения, которая «как мать любила Пушкина» (*А. Тургенев*), была родственницей Сергея Муравьева-Апостола, одного из казненных. Поэтому очень естественно, что «она откинулась на спинку дивана, прижав руки к глазам, но слезы сочились и между пальцами» (*Новиков*). Драматизм сцены усиливается.

Вопрос о Тригорском остается открытым. А вот замечание Новикова о том, что «полевые работы мешали поездкам в столицу», представляется существенным и логичным. В середине июля начинается страда деревенская. сенокос. И стар, и млад в поле. Неразумно отрывать мужика от дела и посылать в город. В письмах, в Летописи о приезде кого-либо в Михайловское ни слова. Стало быть, верно: о казни Пушкин узнает из газет.

Июль, 29 (?). Запись о декабристах и Ризнич: «Усл.оС25. УосР.П.М.К.Б.24» (*Летопись*).

По мнению Т.Г. Цявловской и Б.В. Томашевского, эту шараду следует расшифровывать так: «Услышал о Сибири 25 июля 1826 г.» и «Услышал о смерти Рылеева, Пестеля, Муравьева-Апостола, Каховского, Бестужева-Рюмина 24 июля 1826 г.».

«Услышал о Сибири» некоторые литературоведы толкуют как «Услышал о смерти Ризнич». Например, Д.Д. Благой: «О смерти возлюбленной (Амалии Ризнич. — *К.Г.*) он услышал 25 июля, а накануне узнал о повергшей его в «великую скорбь», вытеснившую на время из его души все остальное, казни Рылеева, Пестеля, Муравьева-Апостола, Каховского и Бестужева-Рюмина» («*Душа в заветной лире*»). М.Л. Нольман поддерживает Благого. Отме-

тив, что Пушкин не всегда придерживался правил написания прописных и строчных букв, исследователь обращает внимание на то, что в первой строке пушкинской пометы начальное «с» («Усл.») намного меньше «с» второго («оС.25»). Следовательно, размышляет Нольман, большое «с» может означать «смерть Ризнич». Я.Л. Левкович, полемизируя с Цявловской и Томашевским, замечает: «Прописное «С» в первой строке записи не обязательно должно соответствовать географическому названию (*Сибирь*). Прописной буквой Пушкин часто начинал существительные, особенно отвлеченные слова, если хотел придать им особую выразительность, в данном случае так могло быть написано слово «Смерть».

Итальянка Амалия Ризнич, обладавшая южным темпераментом, духовно и физически сблизившаяся с Пушкиным в Одессе, вдохновившая его на создание нескольких стихотворений, в том числе «Для берегов отчизны дальней», не могла, разумеется, помыслить, что своею преждевременною смертью спутает карты литературоведам, равно не могла догадаться, что «мною овладев, мне разум омрачив», попадет в «донжуанский список» поэта.

А что Пушкин? Почитав полемику литературоведов, наверняка начертал бы эпиграмму.

У меня в голове вертится простой вопрос: зачем Пушкину конспирироваться, если в конце июля о казни, имевшей быть 13 числа, в европейской части России знали все, за исключением лошадей, кошек и собак?

На этот вопрос вряд ли мы дождемся вразумительного ответа. Апеллировать к осторожности? Пушкин был осторожный, практичный человек — осторожность признак ума, однако осторожность всегда в паре с целесообразностью, без последней она превращается в манию, патологию, а поэт, слава Богу, всегда здраво воспринимал мир, был адекватен ему. В литературе единожды зафиксировано, как Александр I повелел генерал-губернатору Петербурга Милорадовичу ознакомиться с бумагами молодого Пушкина. Пушкин приглашен к герою Отечественной войны — и что?.. «Граф! Зачем вам бумаги? Стихи — здесь, — показал на голову, — велите подать перо...»

Вообще в те благословенные времена, как выразился писатель Субботин, не было практики изымать личные

архивы — только у государственных преступников, какими были декабристы. Письма подвергались перлюстрации, да, о чем Пушкин с негодованием заносил в Дневник, причем открытым текстом, без шарад и кроссвордов. Надо сказать, в наши дни переписка тоже находится под контролем, не будем наивными, не будем уподоблять себя литературоведам, которые возмущаются произволом самодержавия. Во все времена, во всех странах спецслужбы интересуются, чем люди дышат и что они выдыхают. Уверения демократов в том, что, мол, все, с прошлым покончено, рассчитаны на простаков.

Погодин Михаил Петрович, литератор и историк, человек пушкинского круга, входящий в семью государственного преступника Трубецкого — стало быть, им должна интересоваться полиция, — без обиняков заносит в дневник: «18 июля. Повесили и вечно на каторгу. Меня как громом поразило. К Труб... Говорили о суде и проч... До третьего часа не уснул я, думал о виселице, каторге».

Предположим, дневник Погодина попадает к жандармам (3-е отделение канцелярии Его Величества еще не создано) — ну и что? Я не вижу криминала в приведенных строках. Нормальный христианский отклик на учиненную насильственную смерть. Причем по эмоциональному накалу он крепче пушкинской фиксации факта.

Да вот сам Пушкин, через месяц после казни: «Еще-таки я все надеюсь на коронацию: повешенные повешены; но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна» (*Вяземскому*, 14.08). Как доказал М. Яшин, письмо было перлюстрировано жандармами (*Нева*).

Если помета о казненных декабристах имеет туманную политическую подоплеку, то шифр о Ризнич вообще лишен смысла. Конспирировать кончину целесообразно лишь в том случае, если каким-то образом причастен к ней, что, разумеется, исключено напрочь.

Уже после смерти Пушкина на «кладбище» букв обратит внимание Вяземский и усомнится в принадлежности этой аббревиатуры руке Пушкина. Так что может статья — исследователи тянут пустышку в течение семидесяти лет.

Парадоксальность ситуации в том, что, разгадав загадку, расставив все точки над «ф», мы ничего нового не узнаем об отношениях Пушкина к декабристам, кроме тре-

твестепенного обстоятельства об источнике информации. «Логичное в данном случае и, очевидно, поэтому сделанное исследователями предположение о том, что поэт узнал о свершившейся в Петербурге казни из опубликованных в газетах сообщений об экзекуции, приходится, однако, отвести» (*Невелев*). Отводим. Что дальше? Все казни со времен Иисуса Христа и до наших дней совершаются публично или о них уведомляют — в назидание. Только так. Иначе теряется смысл экзекуции. Допустив, что Пушкин узнал о повешении не из газет, а изустно, мы вновь ничего существенного не прибавим ни к характеристике поэта, ни к испившим горькую чашу.

А хотелось бы прибавить, чем я, собственно, и хочу заняться. Но прежде проведем небольшое расследование по одному эпизоду из частной жизни А.С., ибо личное влияет на общественное в той же мере, как общественное на личное.

2

Как-то поутру довелось взять наугад «Комсомольскую правду». Взгляд зацепился за абзац из интервью президента Московской психотерапевтической академии, председателя Российского общества медиков-литераторов М. Буянова. «С точки зрения психиатрии Пушкин был вполне нормален. А вот его человеческие качества подкачали. Если б не большой талант, быть бы ему постоянно битым и презираемым современниками. Судите сами, молодость поэт провел в пьянстве и разврате, не вылезая из публичных домов. Женщин он (столько написавший о любви к ним!) ни во что не ставил. Ребенка от связи с крепостной девушкой велел отдать в крепостные и не напоминать о его существовании» (16.01.96).

О «пьянстве», «разврате», «публичных домах» поговорим после, а сейчас — о связи с крепостной девушкой.

Что-то было... Со студенческих лет запало в память письмо... Кому? В каком году писано? Неужто просматривать том писем и примечания к ним? Растерянность моя улетучилась, когда я сообразил: могло быть в Михайловском или в Болдине. Точно, Михайловское, 1826 год, Вяземскому. Однако в письме — ни имени, ни фамилии. Просьба — и все.

Однажды бесцельно перелистывал «Записки» Пуштина, изданные в 1956 году...

«Вошли в нянину комнату, где собрались уже швеи. Я тотчас заметил между ними одну фигурку, резко отличавшуюся от других, не сообщая, однако, Пушкину моих заключений. Я невольно смотрел на него с каким-то новым чувством, порожденным исключительным положением: оно высоко ставило его в моих глазах, и я боялся оскорбить его каким-нибудь неуместным замечанием. Впрочем, он тотчас прозрел шаловливую мою мысль — улыбнулся значительно. Мне ничего больше не нужно было — я, в свою очередь, моргнул ему, и все было понятно без всяких слов» (*эпизод из 11.01.1825 — Летопись*).

Фигурка... Она? Очень может быть. Роюсь в примечаниях. Составитель сборника С.Я. Штрайх поясняет: «Это героиня деревенского романа Пушкина — Ол. Мих. Калашникова».

Мало! Меньше некуда. Спасибо, что хоть фамилию полностью привел.

Еще раз обращаюсь к Новикову. Святки, Пушкин катается на салазках с какой-то Оленькой. Щеки у нее розовые, морозные, глаза серые, «поцелую она как бы и не удивилась».

«Кто-то бежал со двора прямо к крыльцу. Он затаился у стенки и неожиданно, вытянув руки, обнял взбежавшую Олю Калашникову.

— Как напугали! — прошептала она ему прямо в лицо и на минуту прижалась к плечу, пока он ее целовал».

Это, разумеется, беллетристика, но она в русле нашего поиска.

О самом интересном автор не пишет, так повелось в нашей бесполой литературе времен соцреализма. Мелькнув напоследок («Оленька, грустившая с самой Троицы, что ее венок потонул»), Калашникова исчезает со страниц романа, ее потеснили Дельвиг, Керн, Горчаков.

И, наконец, то самое письмо, застрявшее в моей голове в студенческую пору.

«Милый мой Вяземский... Письмо это тебе вручит очень милая и добрая девушка, которую один из твоих друзей неосторожно обрюхатил. Полагаюсь на твоё человеколюбие и дружбу. Приюти её в Москве и дай ей денег, сколько ей понадобится, а потом отправь в Болдино... Ты видишь, что тут есть о чем написать целое послание во вку-

се Жуковского о попе; но потомству не нужно знать о наших человеколюбивых подвигах.

При сем с отеческою нежностью прошу тебя позаботиться о будущем малютке, если то будет мальчик. Отсылать его в Воспитательный дом мне не хочется, а нельзя ли его покамест отдать в какую-нибудь деревню — хоть в Остафьево. Милый мой, мне совестно ей-богу... но тут уж не до совести. Прощай, мой ангел, болен ли ты или нет; мы все больны — кто чем. Отвечай же подробно» (апрель, 25 — май, 5).

У Вяземского несчастье, умер трехлетний сын, но князь находит время для обстоятельного ответа.

«Сейчас получил я твое письмо, но живой чреватой грамоты твоей не видел, а доставлено мне оно твоим человеком. Твоя грамота едет завтра с отцом своим и семейством в Болдино, куда назначен твоим отцом управляющим. Какой же способ остановить дочь здесь и для какой пользы? Без ведома отца ее сделать этого нельзя, а с ведома его лучше же ей быть при семействе своем. Мой совет: написать тебе полу-любовное, полу-раскаятельное, полу-помещичье письмо блудному твоему тестю, во всем ему признаться, поручить ему судьбу дочери и грядущего творения, но поручить на его ответственность, напомнив, что некогда волею божьей ты будешь его барином, и тогда сочтешься с ним в хорошем или худом исполнении твоего поручения» (10.05).

Пушкин («Я без твоих писем глупею») оперативно отвечает.

«Ты прав, любимец муз, — воспользуюсь правами блудного зятя и грядущего барина и письмом улажу все дело. Должен ли я тебе что-нибудь или нет? отвечай. Не взял ли с тебя чего-нибудь мой человек?..» (27.05).

Пусть судят Пушкина моралисты («Общее мнение для тебя существует и хорошо мстит» — *Дельвиг*), а я тем временем ступлю на тропу размышлений.

В Михайловском тоска, «и завтра то же, что вчера», у Пушкина натянутые отношения с отцом, его постоянно упрекают в непутевости. В глубине души он разделяет родительские укоры. «Что я? где я?..» (*Дельвигу*). Отец не дает ни копейки. «Денег, ради бога, денег!» (*брату Льву*). Отчаявшись, пишет прошение на имя псковского губернатора Адеркаса.

«Государь император высочайше соизволил послать меня в поместье моих родителей, думая тем облегчить их горесть

и участь сына. Но важные обвинения правительства сильно подействовали на сердце моего отца и раздражили мнительность, прощительную старости и нежной любви его к прочим детям. Решаюсь для его спокойствия и своего собственного просить Его Императорское Величество да соизволит меня перевести в одну из своих крепостей».

Прошение усилиями Осиповой не пошло по инстанции. А по мне — лучше бы пошло. Еще жив Александр I; прочитав «Кавказского пленника», государь выразился в том смысле, что надо бы «помириться» с опальным поэтом, но искру желанья в пламя не раздули, навалились дела, заботы, как часто бывает, и желание царя осталось втуне. А получи прошение А.С. с просьбой определить его в тюрьму, Александр Павлович непременно рассмеялся бы и не преминул бы что-либо предпринять.

«О моем житье-бытье ничего тебе не скажу. Скучно, вот и все...» (*Вяземскому*). Конечно, «скука есть одна из принадлежностей мыслящего существа» (*Рылееву*), но вряд ли это может быть утешением.

«В 4-й песне «Онегина» я изобразил свою жизнь» (*Вяземскому*).

Прямым Онегин Чильд-Гарольдом
Вдался в задумчивую лень:
Со сна садится в ванну со льдом,
И после, дома целый день,
Один, в расчеты погруженный,
Тупым кием вооруженный,
Он на бильярде в два шара
Играет с самого утра.

«Вообще образ его жизни довольно походил на деревенскую жизнь Онегина. Зимой он, проснувшись, садился в ванну со льдом» (*Майков*, со слов Л.С. Пушкина). «В минуты грусти перекачивал шары на бильярде» (*Смирнов*).

С соседями не знается, друзей в округе нету, окромя одного...

Но ты, Бордо, подобен другу,
Который в горе и в беде,
Товарищ всегда, везде,
Готов нам оказать услугу
Иль тихий разделить досуг.
Да здравствует Бордо, наш друг!

В мои школьные годы предписывалось Онегина осуждать: ленив, книг не читает, к труду не приспособлен... В планы сочинений аккуратно заносились отрицательные черты «лишнего» человека. В довоенные годы устраивали суды над Онегиным. В школах, красных уголках собирались необразованные шалопаи — и критиковали, умничали. Детям мрачных времен, нам и учителям невдомек было, что, разоблачая Онегина, мы разоблачали Пушкина, который тоже был «лишним». И слава богу! Если вдуматься, «лишние» как раз не лишние в любом коллективе. Глядя на них, общаясь с ними, мы как бы сверяем время и зачастую убеждаемся: опаздываем, живем во вчерашнем дне. «Лишний» — значит, не такой как все. В общем-то нормальное состояние, когда человека можно отличить не только по внешности, но и по уму, способностям, мироощущению. Для Онегина устоявшаяся жизнь пресна, он махнул рукой: живите как заведенные, какое мне дело до вас? Он не борец, да. А с кем ему бороться в округе, с мельницами? Его досада, хандра, оценки и есть борьба. К тому же, как мне кажется, Пушкин понимает (автор всегда умнее своих героев), что борьба не есть жизнь. Какие бы грандиозные цели ни ставили перед собой борцы — например, декабристы, — жизнь все равно оказывается многограннее; жизнь — общее, борьба — частное. Попытавшись совместить борьбу и жизнь, Чернышевский вырастил в колбе Рахметова, дистиллированно-правильного и до занудства скучного, хотя у него нет времени скучать. Онегин, напротив, мается от скуки, но не скучен. И Пушкин мается. И тоже не скучен. Каков прототип, таков и герой, с поправками, разумеется.

Со скукой в паре лень. Пушкин ленив, и Онегин ленив. Однако не надо лень толковать однозначно, пошкольному. Будь человек трудолюбив, как лопата, вряд ли мир обогатился хотя бы одной идеей. Этимология «лени» восходит к значению «медленный, медлительный, тихий, спокойный». В плену лени человек обретает способность размышлять, а накопленные размышления — топливо для творчества. Недаром у Пушкина — «задумчивая лень». «Вы изумительно ленивы!» — воскликнет Чаадаев в одном из писем. Плоды пушкинской лени — вон они, на полке, в полном собрании сочинений. А «книг у него своих в Михайловском почти не было» (Е.И. Осипова).